цепции Карамзина-художника, — вопрос о соотношении мифологии и истории. В 1791 г. в «Московском журнале» публикуется рецензия на книгу «Богоучение, или баснословные повествования древних» («Götterlehre») К.-Ф. Морица. Рецензент (очевидно, сам Карамзин) высоко отзывается о сочинении Морица, который «предлагает митологию (так, — *Н. К.*) не как собрание запутанных аллегорий, но как язык фантазии». «Сие греческое слово, — делает примечание издатель, — принято во все языки, и мы смело можем употреблять его и в прозе и в стихах».[13] Вводя в русский язык слово «фантазия», Карамзин использует его в переводе отрывка из рецензировавшегося сочинения Морица «Нечто о мифологии»: «Мифологические вымыслы должны почитать языком фантазии: в сем смысле составляют они, так сказать, особливый мир и не имеют никакой связи с существенностию».[14] Далее, однако, говорится о том, как мифы соприкасаются с исторической действительностью (например, «боги женятся на дочерях человеческих») и вымыслам придается некоторый характер реальности.

Для Карамзина, уже разделяющего в своем сознании мифологию и историю, в этот период особенно привлекательна поэтическая сторона мифа. Не случайно книга Морица рекомендуется прежде всего «поэтам и художникам».

Вероятно, этим обусловлен и выбор Карамзиным отрывков из «Парамифий» Гердера «Лилия и Роза», «День и Ночь», перевод которых появляется в «Московском журнале».[15] Эти отрывки могли привлечь Карамзина тем искусным воссозданием античного мировосприятия, которое восхищало самого Гердера в стихотворении Гете «Моя богиня». Миф о создании цветов богинями в передаче Гердера мог восприниматься как изящный вымысел, овеянный духом древней Греции.

Пленительный образ этой страны Карамзин находит и в сочинениях других своих современников — в «Анахарсисе» Бартелеми и в «Агатоне» Виланда. В «Московском журнале» Карамзин публикует немецкую рецензию на книгу Ж.-Ж. Бартелеми «Путешествие Анахарсиса». Хотя это не оригинальная статья, а перевод, тем не менее здесь отразился тот двойной принцип подхода к историческому материалу, который был характерен и для русского писателя в данный период, — принцип, соединяющий просветительские и преромантические тенденции.[16] Карамзин,

---

[13] Московский журнал, 1791, ч. 2, кн. 3, с. 326—328.

[14] Там же, 1792, ч. 6, кн. 3, с. 277.

[15] См.: *Данилевский Р. Ю.* И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России, с. 198.

[16] *Лузянина Л. Н.* К вопросу о формировании взглядов Карамзина на историю, с. 83—84. Точно указывая оригинал, к которому восходит статья Карамзина (Allgemeine Literaturzeitung, Jena, 1789, № 196—197, p. 17—32), А. Г. Кросс справедливо замечает, что в этой переводной рецензии развивались идеи, близкие самому Карамзину, и устанавливает интересные соответствия между текстами Бартелеми и Карамзина.